

Сергей Магил

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
ИЗ СБОРНИКА "ОКРАИНА"

1.

Смотрели друг на друга.

Но, быть может,
Закон Земли, живущий в глубине
невидимой всевидящей подпочвы,
уже молчал

о том, что обернуться
настало время, посмотреть назад,
через плечо.

Заиндевевшей ночью
встать, подышать в кухонное ~~шкло~~ стекло,
сквозь полынью в окне увидеть звезды
и оторваться от чужого дна -
вдавить носком линолеумный пол
и струйкой пара в небе раствориться,
оставив полукружие копытца
и след ладони, оттолкнувшей стол.

2.

Первое сомнение Данте Алигьери, изгнанника.

Дыхание похоже на круги,
бегущие от места, где Отец
нас бросил в жизнь,
не научив держаться.

Они бегут и расширяясь, гибнут.
Мне в сердце бьет сквозняк.
Я весь распахнут.

Раскрыт наружу.

Вскрыт.

Подставлен миру.
И каждый тычет пальцем:
"Вон, гляди,
вот человек без родины и речи."
Еще не все пропало.

Может быть,
вот этот лес, что падает в низину,
цепляя день,
всего лишь черновик

иного счастья, лучшего удела,
чем тот, что был,
когда была отчизна.
И наше бездорожье и бессилье,
все тупики,
все повороты вспять
и вечный путь из города,
быть может,
лишь возвращенье к брошенному дому,
который ждет нас
на краю души.

А город,
что ж,
он врос в тебя корнями
и вырос из тебя,
и разорвал
грудную клетку.
Воздуха! Дышать!
В шестнадцатую вздоха!
В четверть сердца!

Пусть на окраине,
в последней подворотне,
на свалке городской, на пятаке
у городских ворот - но дома, дома!
Ведь улицы от нас не отвернулись
и нам все так же зелены деревья
как в том начале, где еще жила
надежда.

Нарисуем втихомолку
глаза друзей, отца упрямый лоб,
чужую женщину,
о, Господи, чужую! -
и будем жить с отчизной на картоне,
упрятанной в дорожный саквояж,
на самом дне,
чтоб вынимать пореже.

Была зима
и этот лес корявый
пересекал мою дорогу к смерти.

3.

В горле отрезвевшего неба
пересохший пустырь перекрестка.
Перевита умело и жестко
грудь земли, не дающая хлеба
и воды. Ожидание плоско
до рыданья, до отвращенья.
Здесь окончены все превращенья.
Соты окаменевшего воска.

Здесь окраина, край откровенья
муравьиного, область гордыни
рук нечующих, глаз незрячих.

Здесь планета дождями не плачет.
Мама, мне больше не пахнет полынью
в этих лнях, пустых и горячих.

4.

Кудрявый бог рожденья моего,
в роддоме для немых,
на краю
забытого квартала,
топнул ножкой,
когда я крикнул в самый первый раз.
Я все еще кричу.

Но он уходит.

Пейзаж потерян в лунной голове,
дождь падает наружу
и деревья
унесены инфарктом.

Иногда
в иссохшем взгляде всхлипнет ручеек
и отразит озорника с игрушкой,
трехлетнего.

И больше ничего
не помнит он,
передолзая в тень

больничного забора.

А квартал
все так же позабыт.

И он уходит.
Вот, ковыляя, за угол свернул,
где булочная.

Время, словно моль,
съедает след его былой походки.

5.

Все кажется вчерашним.

Иногда
такая сухость в горле, так не спится,
не говорится...

Господи, да мне б
чуток травы, когда зима застрынет,
зерно любви в копеечном конверте...
А иногда - еще горячий хлеб
куснешь на пробензиненном проспекте
и легче станет.

6.

Небо воздуха,
испещренное речью
из пещер и становищ
в глубине Междуречья.

Небо воздуха,
воспаленное словом
ветхозаветным,
суровым.

Шероховатое небо Вселенной
и под ним наугад
речь.

Это мы
в чёлюстях мира и сердца
нашего ближнего.

Единоверца
скомканный взгляд,
небо воздуха,
вспухшее от проклятий,
заскорузлое
от признаний в любвишке,
треснувшее
от "не рьдай мене, мати",
разбухшее
от идей понасльшке.

Небо нашего воздуха,
пересохшее от умолчаний,
одинокое наше часледство,
наше странное детство,
и земля, и любимая мать,
хлебословная печь,
место, где речь

заново

не начать.

7.

На языке залива
оскомина города,
привкус вечного голода,
запах заводов и пива
вперемежку с надеждой.

Если сбросить одежду
и в залив погрузиться по горло,
ты увидишь как солнце растерло
в пламенеющих пальцах
хрупкие ребра собора.

Из прибрежного сора,
из многотомья крушений,
из редких страниц Воскресений,
из сукровицы
скомканных поколений,

из нашей единственной жизни,
неудавшейся, неподчиненной
никакому закону,
кроме вечного голода
по колокольному звону
в час Рождества и Суда,
из почти воровского труда
по кусочкам, в огрызки мгновений, —

вырастают лучи голосов
над скелетом собора,
над сором,
над мужеством трав и лесов, —
неуживчивым словом,
живучим
как репей на пути отступленья
в час затменья.

8.

День
окунули

в бутыль
мутного воздуха.

Свет
скupo отцежен и слит
в сито субботы.

Деревья
валятся и обмякают,
падают в желтую пыль,
исподволь выползшую
из подворотен,

оседлавшую
повороты бульвара
на отшибе окраины.

Утро раздрягано,
а ведь вчера казался так плотен,
так настырно-внимателен,

падок на взгляды,

и согласие даром
давалось
и пониманья проталины
лед разрыхляли
молчаливой ограды.

Но ландшафт изменился
и выцвел
на гобелене утра.

Девять без трех,
пара потрепанных трех
в табачно-дырявом кармане,
и в плохоотжатом тумане
очередь,
молча...

Но вот,
у меня уже время!

Проверим.

Состояние времени сверим
с отставанием жизни,
с опозданьем судьбы навсегда,
с остановкой

неловкого
сердца,
неумелого, — сверим

и очередь смерим
единственным мигом души,
промеряющим вечность.

Неистраченным словом —
неповоротной пружинящей жердью
дно прощупаем дня,
где ночная мечта смехотворна
как надежда спасательных лодок,
уходящих от шторма.

Этой осенью
тишина тошнотворна.

Ни нагаек, ни скопок.
И умерших естественной смертью —
норма.

9.

А музыка живет
и что ей в самом деле
с того, что мы уходим.
Небо спит
и мы во снах его двоимся как песчинки
в отцах и сыновьях.
И в нашем теле
спасенья нет и, может быть, душа
придумана.

Живи,
живи, играя
и празднуя свой одинокий ритм.
Ты только соль,
ты только соль-минор
в чужой октаве.

Слышишь этот звук!?
Вот он опять как щепка выпливает
из омута кружящихся литавр...

10.

Единственное место этой жизни -
дождливый август.

Островок земли,
где происходит бесконечный праздник
преображенья лиц
и тихих слов.

И снова углубления следов,
наполненных дождем, несет дорога,
у дома обрываясь.

Каждый раз
едва-едва не постучится в двери
условным стуком

тот, кого мы ждем, -
но каждый раз по-прежнему вдвоем
мы остаемся в темноте веранды.
Открыта дверь

внимательный огонь

Исподтишка глядит на наши тени,
молчит и пляшет.

Ладится строка
и постепенно тяжелеют плечи
и трескаются губы,
но рука,
предчувствуя неодолимость встречи,
так хорошо, так радостно легка.

oooooooooooo